

Из румынской поэзии

Перевод Льва Беринского *

Из предлагаемых вниманию читателей шестерых современных румынских поэтов ранее известны у нас были Иоан Александру и Мирча Динеску (стихи их печатались и в «Иностранной литературе»), имена других для читателя новые. Николае Прелипчану и Дан Лауренциу вошли в литературу в середине шестидесятых годов, а Лучиан Аврамеску и Мирча Флорин Шандру — лет через десять. Однако я не сказал бы, что это представители разных поколений. И по духу и по способам художественного выражения они представители современной поэзии — румынской, конечно, и одновременно — многих восточноевропейских социалистических стран. Этим поэтам присуще тяготение к особому жанру, соединяющему в себе и лирику, и эпiku, и философию: чувства втянуты в интеллектуальную орбиту, а интеллект — в тревогу современного мирового сознания. За всем этим стоит острое ощущение причастности к нашей общей борьбе за разумное будущее, ответственность за него.

Шар земной закружил информационный вихрь — поэты стремятся воплотить необычайную емкость мировосприятия, свободный стих, пожалуй, более всего подходит для этой цели, ибо он не имеет заранее отработанных форм, а реализуется всякий раз заново на наших глазах — неповторимо и непредсказуемо. Кроме того, на мой взгляд, в румынском верлибре как-то отчетливее отражается и нонконформизм — утверждение внутренней свободы современной личности.

Духовное обновление поэзии началось в Румынии четверть века назад, оно связано с именами Никиты Стэнеску, Марина Сореску, Аны Бландианы и, конечно, Иоана Александру. Тогдашний прорыв творческой энергии не ослабевает до сих пор, он все шире и глубже оплодотворяет национальную культуру, более того — выводит ее на интернациональный простор, помогает взаимному узнаванию людей из разных стран. К концу двадцатого века слишком много накопилось трещин, разрывов, разрезов — поэты, каждый поодиночке, совершают свой тихий подвиг, восстанавливают соединительную ткань человечности, человечества. Серьезность переживаемого нами времени требует от поэзии разговора по существу. Она идет к тому, ее усилия — именно в этом направлении.

Кирилл Ковальджи

* Из румынской поэзии. НИКОЛАЕ ПРЕЛИПЧАНУ. ИОАН АЛЕКСАНДРУ. ЛУЧИАН АВРАМЕСКУ. ДАН ЛАУРЕНЦИУ. МИРЧА ФЛОРИН ШАНДРУ. МИРЧА ДИНЕСКУ (Перевод Льва Беринского. Вступление Кирилла Ковальджи) // *Иностранная литература*, 1989, № 6, 117–126.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://www.imwerden.de>

НИКОЛАЕ ПРЕЛИПЧАНУ

Ночь Святого Варфоломея

Знаю скажешь: ты дома сидел ты сидел в одиночестве
и размышлял и понятное дело был против
Варфоломеевской ночи
в ту ночь ты был одинок что ты мог — излагать
мысли свои на бумаге
тебя вообще
еще не было ты тогда не родился еще
впрочем в мыслях потом ты всегда — всегда! — был противник
Варфоломеевской ночи
при том что тогда ты еще не родился на свет

Где же был ты в ту ночь — в ночь Святого Варфоломея
почему не явился из небытия — в свой дом не вошел
не присел очинивши перо за свой стол это было так просто
присесть и на белом подносе бумаги
мысль изложить подвергнуть свой мозг
анализу острым гусиным пером — и может быть ошибиться
один ошибочный росчерк пера — и смерть
но почему ж ты не сделал его этот росчерк

Почему они не вошли в твой дом и не убили тебя
Варфоломеевской ночью
кто подтвердит что ты нам не лжешь
что тебя не было среди убийц
ах у тебя есть алиби
нет у тебя никакого алиби
как нет его ни у кого кто по ночам размышляет себе в одиночку —
ни малейшего алиби если была эта ночь
Варфоломеевской ночью
Где же ты был Варфоломеевской ночью
как ты смел не явиться на свет — ведь теперь
показанья твои запоздали да и слишком туманны:
сколько продлилась
сколько продлится еще
Ночь Святого Варфоломея

Варфоломеевской ночью
одному оставаться нельзя
запоздалые показания не убеждают
их недостаточно чтоб объяснить весь размах
Варфоломеевской ночи
недостаточно
свидетельствовать в одиночку — хотя бы и против
и был ты обязан — еще до рождения! — быть с кем-нибудь заодно

Итак мы не верим тебе итак: ночь Святого Варфоломея

Корабль осени

Ничего не произошло в это воскресное утро
грустное словно осенний корабль на который
мы с тобою взошли

проплывающие перед глазами улицы города
я уже забывать начинаю

ты — над бездной: на самом краю

корабль удаляется
подняв не паруса —
наши души

ИОАН АЛЕКСАНДРУ

*Via dolorosa*¹

Я умереть скорей хочу, скорей,
Пока еще я молод и покуда
Течет по венам кровь, и на моей
Щеке пылает стыд — а не остуда.

Пока умею плакать и пока
Есть мама у меня, что это тело
Проводит до погоста, где доска
Не скрипнет — зазвенит оледенело.

Пока на этом свете достает
Еще земли — укрыть мой остов тощий,
А то ведь все, на что ни глянь, гниет
И тлеет, превращаясь в прах и мощи.

И убывает влаги блеск на дне
И пламя в печке — пеплом улетаю.
И застывая сфинксами, в огне
Зари — воронья утренняя стая.

О Господи, дай мне глубокий сон,
Чтобы вовек не знать того, что будет!
Тяжелый облак надо мной — и Он
Снижается и тихо сердце студит.

Я так грущу, я так боюсь, и страх
Мне не дает припомнить все, что было...
...Но только б ты, Любовь, моя сестра,
Горячая, сквозь вечность вдаль манила...

¹ Скорбный путь (*лат.*).

Как в раю

Кладбище в нашем селе — общий надел,
окруженный забором из серого камня,
чтобы не заражать
землю живую вокруг.

Крест деревянный — и тот через несколько лет
умирает, скривясь, и какие-то странники
странные,
мужики на кобылах сюда приезжают — воруют кресты
на костры.

Исчезает могила — она порастает травой,
и трава эта вьется так жестко и густо,
словно волосы у наших девчат по ночам долгой скучной зимой.
Время от времени кладбище переполняется,
это случается,
когда мертвый ухмылкой своей набивает оскому
живому
и предок потомку — мост на погост:
отец мой — над дедом моим, дед мой — над прадедом,
старый примарь — над предшествующим примарем,
бывший поп — над попом еще более бывшим,
над могилой — могила,
старое наше село — над старинным селом.

Вдоль забора — сливы и яблони, и видны
ароматнейшие цветы — их испаренья
расходятся и наполняют дома и все, что в домах.

И приезжие, а вернее — заезжие, те, что с наскоку
к нам являются на часок,
удивляются: да у вас
как в раю!

Голубь

Полет — его единственная власть.
Ни плеч, ни пяток, чтоб на них упасть.
Вокруг — снежинки, звездное кружение.
На что же уповать? На воскрешение?
Он за небо ухватится, чтоб стали
Его крестом — Вселенной высь и дали.

ЛУЧИАН АВРАМЕСКУ

Среди самолетов вечернего рейса

Скоро мы перестанем совсем понимать друг друга
сказал глава делегации игуанов;
скоро мы перестанем совсем понимать друг друга
повторил миллиард лет спустя
глава делегации рыб;
скоро совсем для полета ах для полета
не останется места
горевал Великий Кондор в самый канун
исчезновенья
и с трудом уже пробираясь в небе
среди самолетов вечернего рейса

Между тем еще один день был перелистан
в воздушном календаре
и отмечен ярким захватывающим зрелищем
падения
современного лайнера со всеми его пассажирами:
причина сказали — озверевшая кондоров стая
напавшая на самолет
защищая
жизненного пространства последнюю пядь;
говорят потом
с огромным трудом
пришлось их кровавые крылья
из пропеллеров извлекать

Улитка-отшельница

Там где ты проходишь любимая
начинаются кризисы —
нефтяные
финансовые
доверия и недоверия
смеха и слез

Там где ты проходишь любимая —
все вокруг зеленеет
сияет
преображается на глазах

Там где ты проходишь любимая
никто другой не пройдет
это ты должна понимать своей головой —
головой
улитки-отшельницы
моя любимая

ДАН ЛАУРЕНЦИУ

Утро и вечер в садах для счастливых

Я любил тебя так как ночь любит день
как тьма любит свет
я преклонялся перед тобой бился жестоко
горестным лбом о рассветный порог и вечерний порог
где черешни уже зажигали
свои праздничные огни в Гефсиманском саду
и как две восковые свечи
мы с тобой трепетали — это и было началом конца
а теперь
что мне до твоей мольбы —
после сгоревшего нашего дома
брошенного преданного тобой в тучах дыма
что мне до этой жалостной капли росы

ты — грех и уже осыпается
листва с твоих бедер
что мне до этого осень пришла а весна прошла
где они бедра твои

там лишь светом дождит

свет и сумрак
и не знаю я где ты
в хаосе этом
дай мне — где ты? — твою лядвею поцеловать

Грустное воспоминанье

Чем еще Господи может быть солнце
как не утраченной жизнью моей
здесь я остался
как грустное воспоминанье

странную тень роняю
между теней
сверху звездная пыль золотая
меня озирает

только сверчок
в большой и безмолвной Вселенной
мог бы мотив монотонной судьбы
отстрекотать

Кошечка

Эта кошечка с шерсткой
шелковой черной нас разбудившая
в то счастливое утро
вот она плачет ты видишь за красным рулем

пустого автомобиля —
куда в самом деле уходит пустой лимузин
с черной кошечкой
плачущей за красным рулем?

МИРЧА ФЛОРИН ШАНДРУ

Время года — весна

Анно Доміні², видел я кладбище автомобилей
позеленевших, разворошенных ветром весны.
Видел, как пашет в полях человек;
молодую брюхатую видел волчицу,
убегающую в дебри рожать.
Анно Доміні, только прикрою рукою глаза —
вижу в зорях большую слезу,
нашу круглую Землю
с изумрудными злаками, нефтяными полями, сиянием городов.
Анно Доміні, кончилась зимняя стужа с погибшей форелью
и сырыми ветвями; наши легкие — воздух, как птицы, клюя —
наполняются вновь,
оппадают
и кровоточат.
Анно Доміні, видел велосипедистов, спускающихся
с голубого холма, нараспашку рубашка, продуктов мешок —
про запас.
Видел стада, видел всадников, видел цапель хохлатых,
возвращающихся домой.
Анно Доміні, нежный свет разгорается в небе и наземь нисходит.
Земля, поворачиваясь, покрывает своею травой
лошадиные кости, дороги, моторы, трубопроводы.
Анно Доміні, этот год ни на один из годов не похож.
Кровь у нас опускается в стопы, захолонув.
Загорелые плечи мужчин — опаленные ветром,
тяжелеют, мышцы скручиваются, как жгуты.
Детвора подрастает, носится в травах, ловит птиц,
теряет сознание от свежего воздуха — сколько простора!
Женщина тихо стоит перед зеркалом, смотрит
как змея на убитую жертву.

Анно Доміні, я видел кладбище расцветших автомашин.

² В лето Господне (*лат.*).

Моя Африка

Вы, грустные родины нашей планеты, вы,
прячущие слезинку свою в общем хоре
ликующих возгласов,
вы, грустные родины в одеянии флагов, вы,
хохочущие, к небесам простирая усталые
руки,
вы, бедные родины, хрупкие родины, суетливые родины,
вновь и вновь выходящие с новой надеждой на площадь,
вы, родины голода, глиняной мисочки риса,
вы, родины стачек и крови
и плясок безумных,
вы, родины, выбрасывающие сыновей
в мир
на поиски хлеба,
вы, гигантские сердца земель
лучистых и горьких,
в чьих биениях
слышен грядущий, шагающий свет.

МИРЧА ДИНЕСКУ

Бесконечное воскресенье

Три дурацкие мачты поднимите на мне: в этот вечер
я — трансатлантик окраины
я — пасмурный ослепленный фарами пес
которого местные паханы забрасывают камнями
а бродяги и алкаши — подманув куском сала —
целуют взасос
Здесь тоска разлилась вместо моря
здесь продрогший беспачпортный Бог
будет — из благоразумья — убит на рассвете
здесь влюбленные сами себя — как компот — закатывают
в банки
здесь старики
не шелохнувшись стоят к стене прислонясь
здесь разве что только мой кашель звучит неподдельно
здесь шумный эфир
проносит над свалками вечные радости жизни:
футбольный матч взволновавший семейство
неподзапретное мычание радиолы
Весна стучится в окошко перстами
зеленых мух
и я сомневаюсь уже: существуешь ли ты? —
покуда опять не коснусь твоих губ
горькими губами

Кормушка

Есть ничтожества
которым вдруг подфартит и судьба их забросит
— зажав между ломтиком хлеба и ломтиком хлеба —
как бутерброд
прямо на стол богов
Плечи у них осыпаны крошками
и сгибаются под бременем славы
а под языком
задыхаются современные модные тюрьмы
Их весной не сбивает волной прекраснейших женщин
не заносит в какой-нибудь нищий притон
желудок у них закреплен будь здоров — как на кнопках
а между ногами
задолго до срока они начинают таскать божий храм

Они могут позволить себе насвистывать в бане
им механический введом экстаз
и бессмысленная
абсурдная жертва
Основатели некой морали более страшной
чем нейтронная бомба —
они умирают по воскресеньям
чтобы к понедельнику
лик успел уподобиться пятнам жира в бульоне
и они бы опять осчастливили нас
у кормушки —
хоть на экваторе хоть на этой камчатке
у черного моря где я ноги сижу полошу

Фиеста

Твоя красота рассекает мне грудь
быки невесомые как медузы
парят поднимаясь над городом

приходи

приходи покуда в кармане моем позвякивает надежда
покуда лавчонки свои не прикрыла весна:
ах как недорого было б сейчас умереть
от ароматов

С легким щелчком раскрывается зонт воробьев
но дождь забывает пролиться
на башне часы
высовывают прохожим язык а газеты
перелистываемые ветром
сообщают про восстанье кокосовых пальм
про забастовку киви
и на бойне
уже омыты быки горячей струей
и ты придушила розу платочком
и как старую лампу задула мою любовь

Об авторах

НИКОЛАЕ ПРЕЛИПЧАНУ (NICOLAE PRELIPCEANU; род. в 1942 г.) — автор книг стихов «Накрененная башня» (*“Turnul înclinat”*, 1966), «13 иллюзий» (*“13 iluzii”*, 1971), «Спросите дым» (*“Intrebați fumul”*, 1975), «Анатомическое оружие» (*“Arma anatomică”*, 1985) и др. Публикуемые стихи взяты из книги «Ледяной палец» (*“Deget de gheață”*. București, Cartea Românească, 1984).

ИОАН АЛЕКСАНДРУ (IOAN ALEXANDRU; род. в 1941 г.) — автор многих сборников стихов, среди них «Как вам сказать?» (*“Cum să vă spun?”*, 1964), «Сомнительный ад» (*“Infernul discutabil”*, 1966), «Гимны Радости» (*“Imnele Bucuriei”*, 1973), «Гимны Молдове» (*“Imnele Moldovei”*, 1980). Публикуемые стихи взяты из книги избранного «Преображенная земля» (*“Pămînt transfigurat”*. București, Editura Minerva, 1982).

ЛУЧИАН АВРАМЕСКУ (LUCIAN AVRAMESCU; род. в 1950 г.) — автор поэтических сборников «Звезды на холмах» (*“Stele pe dealuri”*, 1976), «Свободный альбатрос» (*“Un liber albatros”*, 1978), «Я не прошу прощения» (*“Nu cer iertare”*, 1981). Предлагаемые стихи взяты из сборника «Добрый вечер, любимая» (*“Buna seara, iubito”*. Editura Eminescu, 1987).

ДАН ЛАУРЕНЦИУ (DAN LAURENȚIU; род. в 1937 г.) — автор книг «Гимны закату» (*“Imnuri către amurg”*, 1970), «Созвездие Льва» (*“Zodia Leului”*, 1978) и др. Публикуемые стихи взяты из книги избранного «Расположение звезд» (*“Poziția astrilor”*. București, Cartea Românească, 1980).

МИРЧА ФЛОРИН ШАНДРУ (MIRCEA FLORIN ȘANDRU; род. в 1948 г.) — автор книг «Элегия о власти города» (*“Elegie pentru puterea orașului”*, 1974), «Огни города» (*“Luminile orașului”*, 1975), «Грусть» (*“Melancolia”*, 1977), «Факел магнезии» (*“Flacăra de magneziu”*. Editura Eminescu, 1980), откуда взяты публикуемые стихи.

МИРЧА ДИНЕСКУ (MIRCEA DINESCU; род. в 1950 г.). Первую книгу стихов «Обращение к никому» (*“Invocație nimănu”*) опубликовал в 1971 году. Затем вышли сборники «Элегии той поры, когда я был помоложе» (*“Elegii de cînd eram mai tînăr”*, 1973), «Владелец мостов» (*“Proprietarul de poduri”*, 1976), «К вашим услугам» (*“La dispoziția dumneavoastră”*, 1979), «Демократия природы» (*“Democrația naturii”*, 1980), «Рембо-торговец» (*“Rimbaud negustorul”*, 1985). Публикуемые стихи взяты из указанных книг.

БЕРИНСКИЙ ЛЕВ САМУИЛОВИЧ (род. в 1939 г.) — советский поэт и переводчик. В его переводе публиковались стихи румынских поэтов З. Станку, Н. Стэнеску, М. Сореску, В. Теодореску, М. Динеску, испаноязычных поэтов А. Мачадо, П. Неруды, Э. Ромеро, с идиш — М. Шагала и др.